

..... С. Э. ЗВЕРЕВ

«Вселить в них дух воинственный»

.....
дискурсивно-педагогический
анализ воинских уставов
.....

Сергей Зверев

**«Вселить в них дух
воинственный»: дискурсивно-
педагогический анализ
воинских уставов**

«Алетейя»

2017

УДК 355.077.6
ББК 68.49

Зверев С. Э.

«Вселить в них дух воинственный»: дискурсивно-педагогический анализ воинских уставов / С. Э. Зверев — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906910-32-5

На фундаменте изучения воинских уставов XVII–XXI вв. в предлагаемом издании исследуются особенности воинского институционального дискурса с позиции теории общественной речи. Уроки войн, личностные особенности верховного вождя армии, состояние умов общества, из которого армия черпает пополнения для своих рядов, отражаются в уставах. Тексты боевых и полевых уставов – летопись вооруженных сил; они помогают лучше понять дух армии и народа, выявить предпосылки побед и причины поражений. Уставы должны являться не просто нормативными актами, регламентирующими порядок подготовки и организации боя и обязанности военнослужащих; главная их задача – служить воспитанию победоносных войск. Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 355.077.6
ББК 68.49

ISBN 978-5-906910-32-5

© Зверев С. Э., 2017
© Алетейя, 2017

Содержание

Введение	6
Глава 1. Воинские уставы Московского царства и Российской Империи	7
Воинские уставы Московского государства	7
Воинские уставы Петровской эпохи	11
Уставы золотого века русской воинской славы	13
Воинские уставы павловского и александровского царствования	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Зверев
«Вселить в них дух воинственный»:
дискурсивно-педагогический
анализ воинских уставов

© С. Э. Зверев, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

Введение

Как известно, первым документом, с которым приходится знакомиться всякому поступающему на военную службу, важнейшим документом, определяющим боевую и повседневную деятельность армии, является устав. От того, какие идеи заложены в устав, от степени приоритетности целей и задач, которые он ставит перед своими адептами, наконец, от того, каким языком он написан, зависит профессиональное и социальное «самоопределение», формирование ценностной позиции военнослужащего и, в конечном счете, формирование его личности. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что устав, в первую очередь боевой или полевой устав, есть один из главных источников воспитания воинов армии и флота.

Каждый из этих уставов, фиксируя общие, сущностные требования, предъявляемые войной и военной службой к военнослужащим и армии в целом, отражает взгляды, характерные для определенного исторического этапа развития средств и методов вооруженной борьбы. Уроки очередной победоносной или проигранной войны, личностные особенности верховного вождя, от которого зависит принятие устава, наконец, состояние умов общества, из которого армия черпает пополнения для своих рядов, отражаются в воинских уставах. Поэтому боевые и полевые уставы, являясь фактически летописью вооруженных сил, помогают лучше понять состояние общественного сознания в государстве, в армии и на флоте, выявить предпосылки побед и уяснить причины неудач в войнах и сражениях. Поэтому темы, посвященные изучению уставов, а лучше – сравнительному анализу текстов отечественных и зарубежных уставов – целесообразно включать в программы дисциплин «Военная история» и «История военного искусства», изучающихся в процессе подготовки военных руководителей.

Воинские уставы прошлых эпох – отнюдь не мертвая буква, представляющая интерес только для исследователя и любителя старины. Они по сей день снабжают актуальными рекомендациями по воспитанию у современных военнослужащих воинского духа, который, как учит нас история, является осязаемым залогом победы.

В исследовании, предпринятом с целью извлечь полезные для Российской армии исторические уроки, дискурсивному анализу подвергались тексты отечественных и некоторых зарубежных боевых и полевых уставов. Проекты уставов и наставлений не вошли в круг анализируемых источников.

Автор выражает глубокую благодарность Елене Юрьевне Голубевой за помощь и поддержку в работе над монографией; кандидату педагогических наук доценту полковнику Сергею Ивановичу Дьякову (МБАА), кандидату исторических наук Евгению Ивановичу Юркевичу (ВИМАИВиВС), кандидату педагогических наук доценту Евгению Алексеевичу Носову (ВУНЦ ВМФ), кандидату филологических наук Анне Евгеньевне Шаповаловой (ВУНЦ ВМФ) за любезно предоставленные материалы, без которых не могла бы состояться эта книга.

Глава 1. Воинские уставы Московского царства и Российской Империи

Воинские уставы Московского государства

Первыми уставами, посвященными организации если не регулярного, то правильно устроенного войска, были, как известно, «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» (1607) и «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1647)¹. Несмотря на то, что в целом они представляли собой переводные сочинения, в них уже содержатся указания переводчиков и составителей на цель и смысл воинской службы, опосредованно предъявляющие требования к морально-боевым качествам воинских людей.

Первые же статьи «Устава ратных, пушечных и других дел» посвящены описанию качеств командующих войсками. Обратим внимание, какое значение устав придавал личностным качествам. Так, о большом воеводе устав пишет, что на высшую должность подобает назначать «много испытнаго и в воинстве искуснаго мужа, который бы был ни стар, ни млад, ни злосерд; но тих, кроток, смирен, податлив и всегда во всех мерах остерегателен; вовремя добрым и разумным промыслом, и вовремя домыслом и лукавством, а показаться б ему ко всяким людям доброхотанием, желанием и хвалою другу и недругу» [167, с. 58]. Сегодня покажется удивительным, что полководцу требовалось быть приятным, скромным и сговорчивым, но нельзя забывать, что это было самое начало XVII столетия – века, когда центральная власть в Европе слишком сильно зависела от своих могущественных вассалов, чтобы разговаривать с ними повелительно. Главнокомандующему необходимо было уметь убеждать и располагать подчиненных к исполнению его приказов.

Надо сказать, что указанные качества привлекательны и в современном главнокомандующем, особенно организующем совместные или коалиционные операции. Для него умение добиваться взаимного согласия от представителей разных ведомств или государств неизмеримо важнее собственно полководческих достоинств. Блестящим примером таких дарований может служить А. В. Суворов, всячески смиривший в общении с австрийцами свой неистовый темперамент при организации операций антифранцузской коалиции во время Итальянского и Швейцарского походов. Из более близкого нам времени можно отметить Д. Эйзенхауэра и Н. Шварцкопфа.

От представителей высшей аристократии, вроде Великого Конде, Евгения Савойского или Мальборо, можно было требовать истинно воинских качеств. Фельдмаршалом, по уставу, следовало назначать «мужа храбра, сердцем смелого, достаточнаго и избыточнаго, дальнаго разума и правдиваго, и в воинстве искуснаго» [167, с. 59]. И это понятно и обосновано: фельдмаршалу предстояло водить войска на полях сражений, под ядрами и пулями.

На должность большого окольничего, ведавшего снабжением, обеспечением войска и квартирмейстерской частью, устав рекомендовал подыскивать «многоразумнаго, испытаннаго и доброискуснаго мужа, который был бы честен и рассуден» [167, с. 61]. Чего же еще требовать от штабного работника и сегодня!

Можно заметить, что от людей, занимавших высшие командные должности, требовались, помимо воинской опытности, высокоразвитый интеллект, честность и умение вызывать к себе

¹ «Боярский приговор о сторожевой, станичной и полевой службе» (1571) относится все же к организации пограничной службы и здесь не рассматривается.

доверие подчиненных. Этим качествам командиров и начальников, к сожалению, не находится места на страницах современных отечественных уставов.

В «Уставе ратных, пушечных и других дел», предваряя изложение «указов», касающихся собственно организации службы, составитель, пространно рассуждая о том, что все люди от рождения различаются по степени призвания к воинским трудам, что допускает и оправдывает применение начальниками мер принуждения, тем не менее, определенно указывает, что и начальники и подчиненные объединяются в общей работе «не ради иного, точию да потщаться победити врагов и супостатов своих, и в том полагают свою славу» [167, с. 5]. Здесь звучат системообразующие для воинского институционального дискурса концепты героического пафоса «победа» и «слава», которые все реже можно встретить в практическом дискурсе современных военнослужащих. Например, автору этих строк за пять лет преподавания в Военно-морской академии *ни разу* не довелось услышать в офицерской среде разговоров, в которых фигурировали бы указанные понятия. Это конечно никоим образом не бросает тень на качество исполнения морскими офицерами своего воинского долга, но заставляет задуматься о направленности их личности, которая выступает осязаемым фактором в деятельности по обучению и воспитанию подчиненных. К великому сожалению, понятие «военная косточка» сегодня почти не употребляется; в армию и на флот, как показывают опросы, молодежь больше влекут практические соображения о приличном образовании, хорошем достатке и стабильности положения военнослужащего, чем такие идеальные понятия как честь, слава и служение. Хуже всего, что отсутствие осознанного стремления к победе и славе, а слава по самой своей этимологии предполагает деяния, о которых не стыдно поведать потомству, приучает к мысли, что война ведется не ради конечного преодоления зла, которое ее вызвало, и тем выхолащивает нравственное содержание вооруженной борьбы. Отсюда такую популярность даже и в массах населения приобрела идея гибридной войны, отрицающая ради достижения ограниченной, сиюминутной и весьма умозрительной цели вырабатывавшиеся тысячелетиями кодексы чести воина – единственного, что в какой-то степени возвышало дух человека, занимающегося таким суровым ремеслом как военное, и ограничивало проявление жестокости и насилия.

Конечно, победа и слава добываются только в бою, а бой в свою очередь предполагает поражение и уничтожение неприятеля, о чем прагматично замечает «указ» 45-й, трактуя, что лучшее испытание артиллериста есть война, «где против недругов встречно стреляют, и опознается вскоре мастер, потому что тут все увидят мертвые тела²... а которой к такому делу не извык, и такой в пушкاري не пригодится, хотя будет в нем всего света мудрость...» [167, с. 105]. С завидной прагматичностью устав учит, что от военного, несмотря на все сказанное выше, требуется в первую очередь результат, о котором нынешние боевые документы предпочитают выражаться эвфемизмами, за что после каждого вооруженного конфликта войска расплачиваются печальной статистикой психических травм и посттравматического стрессового расстройства.

Мудрости артиллерийского начальника устав предпочитал ответственность, исполнительность и смелость: «...подобает пушкарскому голове прилежну быти к делу, всякого приказу и смелу во всем»³, т. е. те качества, которыми и сегодня делается всякая настоящая строевая карьера.

Во втором уставе чувствуется дыхание Тридцатилетней войны (1618–1648), на сто лет вперед опустошившей не имевшими морали бандами ландскнехтов Германию. Именно поэтому его текст начинается с отсылок к Священному Писанию, убеждающих на примере Иисуса Навина, Самуила, Давида и прочих персонажей ветхозаветной истории в том, что воинская служба есть дело божье, а «ратной чин есть Богу приятен, и им самим установлен и добром

² Трупы неприятелей, пораженных огнем артиллерии.

³ Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. СПб., 1777–1781. С. 120.

познан» [171, с. 18]. Историческая действительность, однако, сильно противоречила идеалу, недаром автор оговаривается пословицей, гласящей, кто не слушает отца и матери, тот послушает телячьей кожи (барабана), и замечанием, что богобоязненного ратного человека можно встретить не чаще, чем черного лебедя. Оттого воспитательная функция в «Ученъе» выражена несравненно сильнее, чем в предыдущем уставе, более озабоченном профессионализмом воинов, нежели их нравственностью. «Ученъе» же рекомендует государям и начальствующим над войском во избежание всеобщей пагубы и разорения «прежде искать божьей чести и искреннему своему прибыль» [171, с. 20]. В этом случае войны признавались справедливыми, особенно если они велись против иноверцев, язычников «и иных врагов христианского имени».

Новый для воинского институционального дискурса концепт «честь», отражающий требования к моральному облику воина, получит в России широкое распространение чуть позже, начиная с XVIII века, выражаясь в понятии «воинская честь». Пока же он свидетельствует о необходимости для каждого чина снискать добрым поведением милость, благословение и помощь Божию и «счастье», т. е. удачливость в трудах и бранях. Обращение к ценностям религиозной морали вполне объяснимо, если вспомнить, что в отсутствие только формировавшихся национальных ценностей Нового времени Тридцатилетняя война формально велась под знаменем ценностей религиозных, доступных обыденному сознанию и практической морали воинов, как о том свидетельствует следующий пассаж из обязанностей полководца: «Надлежит ему ведати как ему бога прямо почитати и служить, и салдатов, которые под ним есть прилежно и с радением в страхе божии держати, и чтобы они богу честь воздавали» [171, с. 21].

Мало того, добрая нравственность полагалась залогом профессионализма и высоких боевых качеств, поскольку воинский, рыцарский дух возгорается только в тех, кому подобает «быти зеркалу учтивости, чести и чювству». Об этом не мешало бы почаще вспоминать современным военнотружущим, особенно некоторым командирам, ошибочно полагающим, что грубость и брутальность есть неременная спутница мужественности и воинственности. Пример предков свидетельствует об обратном: «А как ныне меж иными нашими ратными людьми делается, не так как предки наши чинили, которые на недругов своих смелым и неробливым сердцем оружием своим дерзали, руками своими смели прииматься и побеждати. А нынешние проклинаньем и божбою себя хотят обороняти, мыслят и чают, как у них у всякого слова не по сту клятвенных бесчинных слов, что они тогда не ратные люди» [171, с. 286].

Реформы царя Алексея Михайловича внесли немало нового в русские воинские обычаи. Знакомство с европейскими методами ведения войн не всегда обогащало русскую традицию ратного служения. Хлынувшие в Москву после окончания Тридцатилетней войны оставшиеся без работы многочисленные наемники учили русских не только нужному и полезному, о чем свидетельствует приведенное выше язвительное замечание.

Падение незыблемого прежде русского благочестия и воинской нравственности, привычка полагаться на многочисленность и строевую выучку войска, воспитанного на усвоении иноземной *механики* войны в ущерб ее *духу*, выразилось в запальчивой фразе воеводы Василия Борисовича Шереметева: «При моих силах можно с неприятелем управиться и без помощи Божией!» Судьба судила ему убедиться в своей опрометчивости: после разгрома и капитуляции в сражении с поляками под Чудновым (1660) он 22 года провел в плену. Достаточно закономерно, на наш взгляд, что многолетняя борьба русских с Речью Посполитой при Алексее Михайловиче не достигла решительных результатов, сведясь только к взаимному истощению сторон.

Добрая нравственность, согласно уставу, выступала и основой войскового товарищества, боевой сплоченности подразделения и части, в которой «салдатом подобает, как братьям, жити, и друг при друге в войне стояти, и тела и живота своего не щадити» [171, с. 29].

Не лишено интереса в наш век всеобщей коммерциализации и замечание о том, что воинским людям подобает размышлять о том, как бы им «рыцарственно учинити и честь и славу

себе получить»⁴, а не уподобляться купечеству и торгашам, чая получить от службы материальные выгоды. Это, конечно, не означает, что армию можно содержать впроголодь, но чрезмерные заботы о хлебе насущном неизбежно ведут к умалению воинского духа; еще Иван Пересветов в своем послании Иоанну Грозному отмечал: «Пусть даже богатырь разбогатеет, и тот обленится. Воина содержать, что сокола кормить: всегда ему сердце веселить, никакой печали к нему не подпускать» [65, с. 609].

Очень важно, что «Учение» не ограничивалось перечислением обязанностей воинских чинов, что стало уделом не столь уж далекого будущего и по наследству перешло в современные российские уставы – оно устанавливало, какими *качествами* должен был соответствовать тот или иной чин, например: «...та рота гораздо устроена, когда капитан печется о своих салдатах. А поручик мудр и разумен. А прапорщик весел и смел» [171, с. 64–65]. Это урок для нас: все многотрудные обязанности по занимаемой должности запомнить нелегко, да и очень уж это неприятное слово – «обязанности», очень уж отдающее принуждением, которому всегда противится человеческая природа, но вот соответствовать простым и *привлекательным* качествам, каждый может почитать за честь. А значит, в исполнении воинского долга рождается та почти немыслимая для нас сегодня *приятность*⁵, с которой когда-то было сопряжено понятие о благородстве военной службы. И тогда не возникнет необходимость в ст. 2 современного устава внутренней службы, требующей от военнослужащих организованных действий, независимо от их желаний. Если нет желания – нет и надлежащего исполнения – это аксиома. В критической же ситуации, в бою, когда «и командиры все охрипли», по выражению Б. Окуджавы, именно сформированные воспитанием воинские и человеческие *качества* остаются тем поплавком, который препятствует психике низринуться в темные глубины страха и хаоса и позволяет сознательно исполнять служебные обязанности.

⁴ Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904. С. 29.

⁵ Например, мягкость в обращении была свойственна почти всем корпусным и дивизионным начальникам Отечественной войны 1812 года. По воспоминаниям Н.Е. Митаревского, в отношении к войскам чувствовалось «душевное спокойствие и какая-то особенная снисходительность высшего начальства... что переходило и на низших начальников – все это располагало нас к приятному настроению» [116, с. 243]. Приподнятое же настроение есть основа боевого настроя, для формирования которого, по заповеди А. В. Суворова, следовало «забавлять и веселить солдата всячески».

Воинские уставы Петровской эпохи

Петровская эпоха ознаменовалась разработкой и принятием уставов, по которым русская регулярная армия жила почти полтора века. Идеи, заложенные в уставах 1607 и 1647 гг., получили в «Уставе воинском» (1716) и «Уставе морском» (1720) свое развитие. Даже в документах военного законодательства того времени чувствуется стремление воспитать в войсках понятие о воинской чести, гордости за принадлежность к воинскому званию, которое само по себе поднимало солдата над уровнем простой черни и служило средством, ограничивающим необходимость применения дисциплинарных мер. Для армии, практически с самого начала своего существования комплектуемой на основе рекрутского набора, – а в рекруты и *мир* и помещики всегда стремились отдавать далеко не лучших людей, – это было актуально. Воинские статьи «Устава прежних лет» (1702) предваряет эпиграф: «Чрез оружие домогаются чести» [108, с. 13]. «Артикул воинский» (1715) благородно уравнивал в солдатском звании всех воинских чинов независимо от чина: «Имя солдата просто содержит в себе всех людей, которые в войске суть, от вышнего генерала, даже до последнего мушкетера».

Примечательно, что должностные обязанности «Устав воинский» начинал излагать в том же порядке, что и устав 1607 года, с самого «вышнего генерала» – фельдмаршала и генералов от инфантерии и кавалерии. Не отставал и «Устав морской», начиная с обязанностей флагмана. Требовалось же от господ командующих много, например, фельдмаршал должен был быть «не точию муж великого искусства и храбрости, но и доброго кондувита, [сиречь всякой годности] которого бы квалитеты [или качества] с добродеем и благочестивою справедливости связаны были. Ибо храбрость его неприятелю страх творит, искусство его подвизает людей на него твердо уповати и о виктории и благосостоянии весма обнадеживаным быти» [153, с. 14–15]. Генералы в свою очередь уподоблялись человеческой *душе*, без которой ни один член, составляющий тело войска, исправно функционировать не может.

Такие высокие нравственные требования к высшему командному составу, закрепленные уставом, и сама последовательность «распределения ролей» по значимости, с самого верха властной пирамиды, как представляется, чрезвычайно важна и актуальна. Ни одна армия не может эффективно выполнять свои задачи без прочной внутренней связи, скрепляющей солдата и главнокомандующего, без взаимного доверия и твердой уверенности друг в друге. Слабым местом системы уставных документов Российской армии является отсутствие устава об обязанностях военного руководства, не ограничивающегося перечислением их должностных обязанностей, но формирующего в армии представление о требованиях к нравственному облику должностного лица, которому вверены десятки и сотни тысяч человеческих жизней. Устав, подобный американскому полемому FM 22–100 «Армейское руководство» (1999), смог бы стать средством воспитания у личного состава уверенности, что офицер или генерал, поставленный на ту или иную должность, занимает ее неспроста, что должность предполагает соответствие лица, ее занимающего, высоким стандартам профессионального и личностного развития. Нет сомнения, что это располагало бы к доверию руководителям высокого ранга, о которых в войсках, на флоте и в обществе сейчас нередко судят в лучшем случае по их послужному списку.

Петровские уставы были документами военного, очень сурового времени, и обычно они говорили языком весьма далеким от какой-либо романтики, чеканными формулами, надолго врезающимися в память, например: «...ничто так людей ко злу не приводит, как слабая команда», многократно цитировавшимся в позднейших документах и наставлениях, хотя бы в «Полковом учреждении» А. В. Суворова⁶. Но эти же уставы после незыблемого императива

⁶ Ср.: «Праздность корень всему злу, особенно военному человеку, напротив того, постоянное трудолюбие ведет каждого

не упускали возможности ярко и очень образно разъяснить свои требования: «...которой пример суть дети в воле без наказания и страха возвращенные, которые обыкновенно в беды впадают, но случается после, что и родителем пагубу приносят. Тако и в войске командующий суть отцом оных, которых надлежит любить, снабдевать⁷, а за прегрешение наказывать» [153, с. 17].

Это еще один урок для современных уставов, которые за маркированными списками самонужнейших требований упускают возможность на примерах или метафорически разъяснить их истинность и необходимость. И стилистическая однородность текста в этом случае скорее вредит, чем дисциплинирует и организует. Язык современных российских уставов не пробуждает воображения, не волнует кровь военного человека, отзываясь в сознании только сухой констатацией истин, хоть и писанных, как принято говорить, кровью. Но биения этой крови, этой боевой жизни, этих уроков походов и сражений, увы, не видно читателю, желающему не столько быть наставляемым, даже убеждаемым, сколько убеждаться самостоятельно.

После требований к командованию в петровских уставах шли меры к устранению из жизни войск всего, что ведет к деморализации, уничтожению нравственности, препятствует доброму солдатскому поведению, укреплению субординации и дисциплины. Особое внимание уделялось предотвращению словесных оскорблений и искоренению брани: «От всех чести нарушительных бранных словес, брани и бесчестия имеют, как начальные люди, так и солдаты весьма воздерживаться и никого оными... никаким подобием не оскорблять и не бесчестить», — читаем в гл. 59 «Устава прежних лет» [108, с. 27]. Еще определеннее эта тема звучит в ст. 9 гл. 2 «Артикула краткого» (1706), предназначенном А. Д. Меншиковым для употребления в кавалерии: «Кто смрадным, а особливо самым злобственным, которое у русаков гораздо суть в употреблении своего подобного будет бранить, то бы оно явным просил о прощении» [108, с. 56]. А поскольку «скверные слова великое поущение к прелюбодейству подают»⁸, то надлежало воздерживаться не только от брани, но и от блудных (нескромных) песен.

Квинтэссенцией воспитательных воздействий являлся текст военной присяги, помещенной в «Артикуле воинском»: «От роты и знамя, где надлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучатца, но за оным, пока жив, непременно, добровольно, и верно так, как мне приятна честь моя и живот мой, следовать буду. И во всем так поступать, как честному, послушному, храброму и неторопливому⁹ салдату надлежит». От воспитанной таким образом армии и флота можно было с успехом требовать жертвы «телом и кровью» под страхом лишения не только живота, но и, что самое главное, чести. Эта фраза рефреном повторяется в статьях петровских воинских уставов и артикулов, но, к великому сожалению, совершенно исчезла из современного военного законодательства.

к знанию его должности в ее совершенстве».

⁷ Снабдевать (устар.) — снабжать, оделять.

⁸ Артикул 177 «Артикула воинского» (1715).

⁹ Расторопному.

Уставы золотого века русской воинской славы

Мощный импульс петровских преобразований обеспечивал устойчивое развитие российской армии на протяжении почти полувека. Елизаветинские уставы 1755 года «Описание пехотного полкового строя» и «Экзерциция и учреждение строев и всяких церемониалов регулярной кавалерии», разработанные по инициативе генерал-фельдцейхмейстера графа И. П. Шувалова, не внесли чего-то кардинально нового. Все их внимание, в полном соответствии с названиями, было посвящено организации обучения строю и стрельбе. Единственно, что привлекает внимание исследователя, так это фраза из 19-й главы пехотного устава: «...имея командовать такими храбрыми и отважными салдатами, как наши... не только не сумнительно над неприятелем полезные поиски делать, но тем с помощью Божиею онаго победить, о чем не только всякому офицеру уверену быть, но и непрестанно салдатам вкоренять должно также то, что против них никто стоять не в состоянии» [120, с. 92]. Фраза эта, исполненная национальной гордости, почти дословно переключается в выражение А. В. Суворова: «От храброго российского гранодеру не только сии неверные варвары, но и никакое войско в свете устоять не может»¹⁰.

Таким образом, мнение историка русской армии А. А. Керсновского, полагавшего, что уставам 1755 года «суждено было остаться мертвой буквой»¹¹, как и мнение, что они удалились по духу от петровского устава¹², нельзя считать в достаточной степени справедливыми. Время господства линейной тактики с его увлечением «огневым боем», конечно, накладывало свой отпечаток, но в уставах отражалось и здоровое национальное чувство, характерное для елизаветинского царствования. Помимо прочего, нельзя не отметить, что внимание к стрельбе было глубоко обосновано, если вспомнить, что одним из основных противников русских на протяжении почти всего XVIII в. были турки. «Наставление от предводителя Второй армии» (1770) графа П. И. Панина справедливо отмечало, что их вооруженные преимущественно короткоклинковым холодным оружием по сути иррегулярные толпы «одною огненною исправною пальбою в бегство... обращены почти всегда бывают» [114, с. 4].

В 1764–1766 гг. вышли «Инструкции полковничьи» пехотного и конного полка, детализировавшие обязанности командиров, которые по сей день остаются центральным звеном войсковой организации.

Само появление этих документов после окончания тяжелой и кровопролитной Семилетней войны (1756–1763) свидетельствует о том, что «центр тяжести» смещался от дивизии к полку, от генералов к полковникам, возрастало значение частных начальников – полковых командиров с их «почином», – и их роль в обучении и воспитании подчиненных и руководства ими в бою и повседневной службе. Полк впервые становился единой войсковой семьей, о которой полковник обязан был иметь неусыпное попечение, заботясь о чести полка как о собственной личной чести, каждым своим приказом соблюдая «пользу службе, честь и сохранение полку»¹³; ревнование о чести полка простиралось до утверждения полковником браков подчиненных, – традиция, строго соблюдавшаяся в Российской Императорской гвардии, и по сей день удержавшаяся в гвардейских полках британской короны. Воспитание полковой корпоративной чести обогащало арсенал воспитательных воздействий еще одним мощным регулятором поведения, доступным, благодаря народной общинной психологии, массе солдат и унтер-офицеров, в известной степени заменявшим им личную честь, соединявшейся в их понимании с благородством происхождения. Рост же «полкового» самосознания офицеров, особенно

¹⁰ Из письма Н. А. Зубову 26 мая 1788 г.

¹¹ Керсновский А. А. История русской армии в 4 томах. Т.1. М.: Голос, 1992. С. 91.

¹² Столетие Военного министерства (1802–1902). Главный штаб: ист. очерк. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1. СПб., 1903. С. 166.

¹³ Инструкция пехотного полка полковнику, с приложением форм, штатов и табелей. СПб., 1764. С. 3.

полковых командиров, как, например, А. В. Суворова, И. И. Мейендорфа, С. Р. Воронцова и др., ярко проявился в уставном творчестве, в трактовке вопросов, оказавшихся на периферии Высочайше утвержденных документов.

У солдат «Инструкции» требовали воспитывать в первую очередь храбрость – качество, которое в позднейших боевых уставах незаметно переместилось на менее почетное место в списке приоритетов, уступив знаниям и умениям действовать в бою¹⁴. Между тем, при недостатке храбрости все прочие солдатские таланты оказываются бесполезными, недаром «Инструкция» века воинской славы России требовала от полковника: «При чтении воинских артикулов, уставов и приказов разъяснять... требуемую от солдата неустрашимую храбрость, и что никакие страхи и трудности храбрости и верности российских солдат, в число которых и он принят, никогда поколебать не могли» [93, с. 17]. Основанием солдатской храбрости и расторопности в бою полагали уверенность солдата в себе и своем оружии. «Пехотный строевой устав» (1763) рекомендовал «командирам видом своим осанистым ободрять подчиненных и делать их смелыми, неторопливыми и на себя надежными» [147, с. 180]. «Каждый шел через мои руки, – писал впоследствии А. В. Суворов, – и сказано ему было, что более ему знать ничего не осталось, только бы выученное не забыл. Так был он на себя и надежен – основание храбрости» [124, с. 38].

Аналогично, кавалерийские уставы 1755 г. и 1763 г. требовали: «Всем чинам строевым в ротах внушать надобно, что... всякое действие и сила кавалерии, которое с авантажем и победою неприятельскою чинимо бывает, состоит в храбрости людей, в добром употреблении палашей, в крепком смыкании и в жестоком ударе чрез сильную скачку» [147, с. 49]. Неудивительно, что воспитанная таким образом кавалерия при Рымнике (1789) с успехом атаковала турецкие полевые укрепления в конном строю. Примечательно, что глава «О атаках» находится на почетном месте в первой части уставов перед церемониалами, перестроениями, переменами фронта, маршами. Приемы обучения пешим приемам и «разной пальбе» описываются во второй и третьей частях – явление достаточно редкое для уставов XVIII–XIX вв., очень любивших «подводить» читателя к упомянутой атаке через все хитросплетения строевой службы. Зато и сама атака была описана великолепно: «...полк во всю конскую пору скакав, атакует, например, до пятидесяти сажен, и тотчас паки командуется «Стой, равняйся, с места ступай, ступай!». Сия вторительная атака чинится в случае, когда неприятель по разбитии чрез первую атаку разбежшися, кучей людей своих собирает и фронт строит, то не допуская онаго до дальнейшего сбора, оное чинится» [154, с. 41–42]. Никакого сослагательного наклонения, никакого сомнения в том, что в результате атаки противник будет разбит: только собирай пленных и дорубай остатки! Вот на каком воспитании базировалось категорическое указание А. В. Суворова казачьим войскам о правилах ведения боя с французами от 6 июня 1799 г.: «Неприятельскую армию взять в полон» [149, т. 4, с. 153].

Интересный материал для исследования как руководящий документ, реализовывавший принципы, прописанные в уставах, представляет цитировавшееся выше «Наставление» П. И. Панина. Оно, как впоследствии приказы А. В. Суворова, подробно, доступно и честно знакомило войска с противником, с которым им предстояло сойтись грудь с грудью: с его целями, сильными и слабыми сторонами, вооружением и тактикой. При этом «Наставление» не забывало сформировать в войсках уверенность в собственной непобедимости и не упускало случай воспитать высокие боевые качества. В полном соответствии с уставами и инструкциями для пехоты отмечалось, что «...мы все способы в своих руках имеем все столь достойные презрения их предприятия обращать в собственную их (турок. – С. З.) погибель, ежели только станем при всяких их напусках соблюдать не только наших предков, но и нами собственно во многих случаях засвидетельствованные мужество, терпение и храбрость» [114, с. 4].

¹⁴ Боевой устав по подготовке и ведению общевойскового боя. Ч. 3. М.: Воениздат, 2005. С. 10–11.

От кавалеристов под страхом лишения жизни и чести требовалось «неприятельские кучи без всякого выстрела с одним белым ружьем¹⁵ атаковать и опрокидывать... особенно же еще в тех случаях, когда неприятельской пехоте или и кавалерии прорвать наш пехотный фронт удалось» [114, с. 12]. Сравним с суворовским: «Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет»; бодрый, мужественный дух так и дышит на страницах наставления.

П. И. Панин

Нет сомнения, что уставы не могут предусмотреть все на свете, и это от них не требуется. Но они не должны ограничиваться надписью на форзаце о том, что все их рекомендации следует исполнять творчески – они должны воспитывать у военнослужащих стремление *проявлять* боевое творчество, которое бы отражалось и в руководящих документах, подоб-

¹⁵ Холодным оружием.

ных «Наставлению» П. И. Панина, а через них – и в служебно-боевой деятельности. Изучение уставов елизаветинского и екатерининского времени позволяет понять, что основания великих побед П. А. Румянцева и А. В. Суворова были заложены воспитанием в «чудо-богатырях» национального чувства, неудержимой храбрости и воинской чести, которые в документах и педагогических системах полководцев были надлежащим образом развиты, ярко выразившись в гордой фразе определения военного совета, постановившего перед штурмом Измаила: «Отступление предосудительно победоносным Ея Императорского Величества войскам» [149, т. 2, с. 537]. Примечательно, что данное определение ссылалось на 14-ю главу петровского «Устава воинского», предписывавшую генералу в важных случаях устраивать военный совет. Глубоко символично, что величайший подвиг величайшего русского полководца был подготовлен установлениями основателя русской регулярной армии.

Воинские уставы павловского и александровского царствования

Воцарение Павла Петровича с его манией парадного «регулярства» и порядка на прусский манер, естественно, повлекло нужду в новых уставах. При нем и его сыновьях на престоле российские уставы обрели сильную склонность к всесторонней регламентации службы, выхолащивающей из нее всякий боевой элемент. Петровский устав 1716 г. оставался неизменным, но «частные» пехотные и кавалерийские уставы писались уже в соответствии с духом времени, который, к сожалению, трудно назвать истинно воинским.

Так, «Устав конного полка», «Воинский устав о полевой кавалерийской службе» и «Устав о полевой гусарской службе», вышедшие в 1797 году, не имеют практически никаких отличий от «Устава о полевой пехотной службе» того же года издания. Единственное их отличие от пехотного устава заключается в том, что глава «О атаке» является все же шестнадцатой по счету, т. е. занимает более «привилегированное» положение, нежели аналогичная глава в пехотном уставе. Но и здесь успех атаки полагается зависящим главным образом от управления лошадьми и удержания сомкнутого строя; о храбрости кавалеристов как главнейшего условия победы не упомянуто вовсе.

По-настоящему оригинальная рекомендация содержится в 78-й главе «О шанцевых инструментах, о сбережении оных, и чтоб не терпеть блядок в армии», третий параграф которой гласит: «Блядок и непотребных не терпеть в лагере, за чем полковым командирам смотреть и оных выгонять; такожде и генералам сие наблюдать и тем меньше допускать до того, чтобы шинки заводились» [156, с. 178]. Нечего сказать, достойное занятие для генералов, которых, напомним, петровский устав отождествлял с душой армии.

«Смена вех» неизбежно отразилась и на воспитании воинского духа. В отличие от прежних уставов, безапелляционно требовавших непременно *разбития* неприятеля после первого же *жестоккого удара*, результат атаки описывался теперь гораздо скромнее и осторожнее: «...шагах в восьмидесяти или ста от того места, где врубиться или *остановиться должно*, приказать... скакать во всю конскую прыть и напасть *как возможно сильнее* (курсив мой. – С. З.)» [156, с. 36]. Останавливаться требовалось для открытия огня из пистолетов и карабинов, что сводило на нет всю силу удара кавалерии и все значение доброго употребления палашей. Относительность же результатов удара, неявно закрепленная в уставе, подспудно укрепляла читателей во мнении, что атака может быть и отбита; подобная «условность», конечно, является совершенно недопустимой для воспитания военного человека.

Единственный раздел устава, который написан более живо – «О службе кавалерийской» – представляет собой наставление по организации гусарской службы, причем, как ни парадоксально, оно отсутствует в самом «Уставе о полевой гусарской службе». Уже с пятой его главы автор переходит на весьма свободный слог, в ряде случаев излагая текст от первого (!) лица. Изложение уставных требований превращается в суровое и правдивое наставление, изобилующее яркими примерами боевых действий кавалерии, образными сравнениями, насквозь проникнутое воинственным духом и чувством товарищества, романтически воспетым впоследствии Денисом Давыдовым.

Наставление не боится называть малоприятные вещи своими именами, чем разительно отличается от современных ему уставов, предпочитавших употреблять более или менее обтекаемые формулировки; оно очень прагматично рекомендует употреблять достаточно крутые меры, впрочем, стараясь аргументировать особенно жестокие реалии войны: «...надлежит рубить и колоть без пощады все, что встретится... Когда неприятель не может надеяться [получить] помощи, и дело уже решено, тогда можно брать пленных, а иначе будут они весьма в тягость, и лучше всех рубить» [156, с. 17]. Можно по-разному относиться к такой «кровожад-

ности», но при этом неплохо бы помнить рекомендацию А. В. Суворова, добавить в обучение войск экспрессивные команды *коли, ударь в итыки, валя на месте, докалывай, гони, лопи, режь, руби, бей*¹⁶, воссоздававшие достоверную атмосферу боя и служившие, как представляется, морально-психологической закалке воинов. Попытки в данном случае обходиться «эвфемизмами» ничего, кроме вреда, выражающегося в дезориентации и замедленной адаптации психики к травмирующим боевым впечатлениям, принести не может.

Суворовская записка о боевом порядке и ведении боя перед сражением при Фокшанах (1789) также предписывала кавалерии «рубить бегущих без пощады» до тех пор, пока не определится исход сражения; только когда «рубят остатки», можно было начинать брать пленных. Как видим, тактика действий отечественной кавалерии находилась в полном соответствии с требованиями наставления «О службе кавалерийской» задолго до выхода последнего. Приписывать его авторство Фридриху Великому, на наш взгляд, не вполне обосновано.

Атака гусар Кульнева под Клястицами

Храбрость снова выходит на первый план в наставлении в ряду качеств, от которых зависит исход атаки, в особенности от храбрости командного состава: «Весьма пристойно тому, кто командует... быть впереди своих людей для возбуждения в них смелости и дабы чрез то с большим правом требовать от них храбрости... Шеф полка всегда есть главная причина храбрости своих людей» [156, с. 27–28]. Наставление, таким образом, недвусмысленно указывает на необходимость воспитания подчиненных личным примером по бессмертному принципу «делай как я» и предписывает начальнику всячески проявлять в атаке инициативу, поскольку «слава его зависеть будет единственно от его собственной храбрости и разума» [156, с. 29]. Сама возможная неудача, поскольку неприятель и сам может проявлять «твердость, храбрость и силу», и вследствие «робости» соседей, обязывает гусара безоглядно прорубаться сквозь строй врагов, движимому ничем иным как инстинктом самосохранения, «ибо тогда ему нет другого спасе-

¹⁶ См., например, письмо А. В. Суворова Н. А. Zubову с изложением тактики боя против турок от 26 мая 1788 г. [150, т. 2, с. 233].

ния, как собственная его и людей его храбрость. Таким образом не будет он отрезан, продаст дорого тех, которых он потеряет, и не будет участвовать в стыде сотоварищей, от трусости произошедшем» [156, с. 30]. Суровая и правдивая психологичность наставления делает честь любому уставному документу.

Блестящие подвиги русской легкой кавалерии в Отечественную войну 1812 года питались, если можно так выразиться, уставной регламентацией подвига: «Ни один гусар не должен оставаться позади, ниже оставлять своих офицеров, под опасением наихудшей казни; но должен жизнь свою дорого продавать и не сдаваться иначе как разве весьма тяжело будет ранен, или не имея надежды ниоткуда получить помощь» [156, с. 38]. Это дает основание считать наставление «О службе кавалерийской» первым истинно боевым уставом русской армии, на котором выросли и воспитались Кульневы, Давыдовы, Сеславины, Дороховы – легендарные гусарские командиры эпохи 1812 года.

К великому сожалению, этого нельзя сказать о пехотном уставе 1797 года, который по духу был сплошным бумаготворчеством гатчинского типа. Из 102 глав «Воинского устава о полевой пехотной службе» только одна посвящена обязанностям офицеров в сражении, и это при том, что часть 12-я (последняя по порядку), которая собственно и описывает организацию службы в военное время, дотошно заботится «О генеральских столах в поле», «О числе офицерского экипажа в походе», «О долгах офицерских», «О денщиках и слугах» и проч. Единственная «боевая» глава устава начинается с интересного указания: «Подтверждается наистрожайше, не говорить и не шуметь и все темпы и обороты так делать, *как в ученье* (курсив мой. – С. З.) предписано» [67, с. 134].

Стремление все делать на войне, как на учениях, еще более ярко выразилось в очередном уставе, теперь уже александровского царствования. «Воинский устав о пехотной службе» (1811) требовал от офицера знать все, что предписано в разделах, посвященных обучению рекрута, строевому слаживанию роты и батальона, уметь командовать и хорошо разъяснять солдату все его обязанности согласно этим трем основополагающим «учениям». Овладевший строевой премудростью офицер почитался «свое дело знающим». До достижения совершенства оставалось, «чтобы во фронте офицер держал себя прямо и имел бы вид, приличный офицеру» [66, с. 7]. Через пару десятков лет из таких офицеров выросли командиры полков, о которых начальник штаба 2-й армии генерал П. Д. Киселев писал: «Невежество этих господ ужасное, особенно когда подумаешь, что рано или поздно они будут командовать тысячами человек, обязанных им повиноваться» [90, с. 46].

От унтер-офицеров творцы устава требовали только, чтоб они «умели с точностью делать все, что относится к солдатским ружейным приемам, к пальбе и маршу; они основательно должны знать также приемы ружьем по-унтерофицерски» [66, с. 8]. О том, как умело действовать этим ружьем в бою против неприятеля, не ограничиваясь «пальбой» в белый свет, о руководстве солдатами, о примере храбрости в бою и прочем, составляющем реальные обязанности унтер-офицеров, в уставе – ни слова.

Зато внимания солдатским обязанностям устав уделял достаточно. Почетное место в их ряду занимало умение держать себя в строю. Первый же урок рекрутского учения «О выправке или как должно что стоять солдату» так описывал строевую стойку: «Солдат должен стоять прямо, но непринужденно; каблуки вместе и на одной линии, столь плотно, сколько можно; носки равно врозь выворочены менее прямого угла так, чтобы большие пальцы ног были против выемки плеч (?); колени вытянуты, но не напирая оных; имея грудь и тело вперед, но не выставляя брюха; плечи назад равно опущены, не подымая вверх и не переменяя их положения, отчего наиболее зависит равенство всего фронта; руки лежали бы прямо и вольно, локти назад немного ближе к телу, не сгибая оных; ладонь немного выворочена, пальцы не согнуты и чтоб мизинец лежал на боковом шву штанов; голову держать прямо и непринужденно, под-

бородак прижать книзу, не закрывая однакож шеи; смотреть прямо перед собой в землю на 15 или 16 шагов» [66, с. 12–13].

Каждый элемент «фрунтовой науки» во избежание ошибок, могущих пагубно сказаться на боевых качествах солдата, тут же был заботливо истолкован многоопытными сочинителями устава; например, комментируя требование держать *каблуки вместе столь плотно, сколько можно*, прибавляли: «...люди, у которых ноги кривы или икра ноги очень толста, не могут стоять каблуками вместе» [66, с. 12–13].

Как будто и не было двух тяжелейших кампаний против Наполеона, как будто и не было сокрушительного поражения при Аустерлице, казалось, выставившего окончательную оценку прусской механике по типу «Die erste Kolonne marschirt, die zweite Kolonne marschirt ...» и показавшему, что война – не дефилирование по Царицыному лугу. Остается только поражаться, что армия, руководствовавшаяся уставом, в котором обучение стрельбе в цель занимает всего две страницы, смогла победить европейское ополчение, руководимое крупнейшим полководцем своего времени. Как поражает и мудрое замечание, предшествующее главе об обучении прицельной стрельбе: «...опыты научают, что и самые успехи в военных действиях много от совершенства в искусстве сем зависят» [66, с. 198]. Как тут не вспомнить персонажа А. Моруа, в окопах Первой мировой наслаждавшегося полной скрытого юмора фразой: «Жизнь солдата весьма сурова и порой чревата реальными опасностями»¹⁷.

Эпическая борьба с армией «двунадесяти языков» не нашла равным счетом никакого отражения ни в текстах переизданий пехотного устава, вышедших в 1813 и 1816 году, ни в «Воинском уставе о линейном учении» 1820 года, где также ни слова не говорится о храбрости, как важнейшем солдатском качестве, которое необходимо вырабатывать для воспитания победоносной армии: только марши, контрмарши, деплояды¹⁸, построения и перестроения, захождения, вздваивания, смыкания и размыкания и команды, команды, команды... Они даже не содержат никаких указаний, как должна производиться собственно атака неприятеля.

Правила производства атаки, правда, сохранялись в кавалерийских уставах. Но в «Воинском уставе о кавалерийской строевой службе» (1819) глава XI особо заботливо освещала правила «Об отступлении или ретирade», причем эта глава *предшествовала* главе «О атаке». Атакующим эскадронам, в полном соответствии с уставами 1797 года, полагалось «идти на неприятеля сколь можно осанисто (!!!) и стараться быть совершенно сомкнутым в рядах; ибо от сего наиболее зависит успех в атаке» [68, с. 179].

Атака описывалась совсем уж фантастически. Отмечалось, что «ежели передний эскадрон не мог ворваться в неприятеля, встретив непреодолимый отпор, то тотчас отступает самопоспешнейше направо и налево», очищая место следующему, который, «выдвигаясь умеренной рысью»¹⁹, тоже только *старается* врубиться в неприятеля. Как будто неприятель станет терпеливо дожидаться окончания этих замысловатых эволюций перед своим фронтом, а не сядет мгновенно на плечи показавшим тыл горе-кавалеристам, о чем, кстати, недвусмысленно предупреждало наставление «О службе кавалерийской». Нетрудно заметить, что все, составлявшее дух уставов 1755 и 1763 года, рассматривавших успех атаки через *сильную скачку, жестокий удар и доброе употребление палашей*, за что боролся А. В. Суворов, и что принесло русской кавалерии славу при Рымнике и Фер-Шампенуазе (1814), устав благополучно предавал забвению. *Непреодолимый отпор* рассматривался как достаточное основание для оправдания неудачи. Устав вообще полагал за благо кавалерийскому командиру *хладнокровно* ожидать, пока строй неприятеля не придет в расстройство от артиллерийского огня.

¹⁷ Моруа А. Полковник Брэмбл и его друзья. М.: Изд-во политической литературы, 1992.

¹⁸ Деплояда (от фр. déployer, déploiement) – развертывание войск из походного порядка в боевой.

¹⁹ Воинский устав о строевой кавалерийской службе. СПб., 1819. С. 180.

Приходится признать, что аракчеевщина, поразившая самый дух армии после краткого мига величайшего ее торжества и славы – победоносного окончания наполеоновских войн, – была, можно сказать, предопределена довоенными уставами. Отечественная война только чуть отсрочила «торжество ранжира».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.